

Сегодня Леониду Максимовичу Леонову исполняется 75 лет. Выдающийся советский писатель, пройдя сложный путь в литературе, поднялся на ее вершину. Пророческими оказались слова М. Горького, сказанные после выхода первых книг молодого литератора: «...Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и — для больших дел».

Все, что вышло из-под пера художника, — его романы, повести, рассказы, пьесы и публицистические статьи — художественно отображает живую историю страны, ее главные вехи. «Барсуки» и «Соть», «Скутаревский» и «Вор», «Нашествие» и «Русский лес», другие творения Леонова — это летопись, в которой глубоко исследовано и философски осмыслено Время и Человек.

Своей истинной гуманистической мироощущением пронизывает все его произведения. Писатель утверждает человека, несущего в себе черты новой личности нашей революционной эпохи. Яркие, самобытные художественные творения Леонида Леонова вошли в сокровищницу мировой культуры и для многих поколений будут путеводной звездой. «Уроки Леонова» — так называется книга, недавно вышедшая в издательстве «Современник». В ней известные писатели и ученые рассказывают о встречах с Леонидом Максимовичем, о его литературной и общественной деятельности, делятся своими размышлениями о мастерстве художника.

Отрывки из этого сборника мы публикуем ниже.

УРОКИ ЛЕОНОВА

Михаил АЛЕКСЕЕВ:

Леонид Леонов пришел в литературу юной, но с неопознанным пониманием ответственности, каковая приходит к человеку вместе с писательским званием. Он пришел в литературу для того, чтобы занять в ней свое, принадлежащее только ему место. Самый трудный и реже всего увенчивающийся победой поиск — поиск себя, то есть своего «я», — для Леонова-писателя был на удивление коротким. Иногда думается, а был ли Леонид Леонов «молодым», «начинающим», «подающим надежды», «многообещающим», — говоря иначе, проходил ли он когда-нибудь через период настороженного и снисходительно-скептического ожидания старших, как проходят его почти все отбывшиеся статьи на литературную стезю люди? Не верится, чтобы это было так, ибо после появления уже третьего крупного произведения его автор получил отзыв, от которого могло бы захватить дух и у маститого, Человек, к коему на ту пору прислушивался весь просвещенный мир горой поделится своей радостью:

«Дорогой Леонид Максимович, вчера прочитал «Соть», очень обрадован — превосходная книга! Такой широкий, смелый шаг вперед и — очень далеко вперед от «Вора», книги, кою тоже весьма высоко ценю». И далее строки, которых достало бы на то, чтобы увидеть с предельной ясностью, что же есть такое Леонов в русской советской литературе: «Анафемски хорош язык, такой «кондовый» русский, яркий, басовитый, особенно — там, где Вы разыгрываете тему «стихий», напоминающая таких музыкантов, как Бетховен и Бах».

Симфоническая стройность выдвинула Горькому и в том, как выстроилось все произведение, и в том как звучит в нем всякая, отдельно взятая строка.

Мы можем читать все подряд, написанное Леоновым, — будь то роман повесть, пьеса, статья или даже частное письмо — в не перестанем удивляться поразительной яркости языка, каковой мы теперь уж называем просто леоновским. А почему, собственно? Разве он его изобрел? Разве в нем встречаются слова непонятные, привлеченные из других языков и наречий или соговоренные заново? Нет же, у Леонова воистину «все понятно, все на русском языке»! Зачем же тогда говорить «леоновское»? Можно было бы ответить аналогично: из одной из той же древней породы с помощью самого немудрого инструмента мастер создаст чудо, шедевр, подлинное произведение искусства, а рука бесталанная — некоего деревянного уродца. Но это еще лишь полответ. С языком литературное дело обстоит по-другому. Такие мастера, как Леонов, работают с языком — в данном случае с языком русским — на всю его историческую национальную глубину. Нередко поэтому слово, погребенное под вековыми напластованиями и, казалось бы, навсегда, намертво забытое современниками нашими, извлекается писателем из этих глубин и смело, столь же и умело, ставит рядом с нынешним, привычным и знакомым нам, вроде бы уж пришедшим к слову, и мы вдруг являемся счастливыми свидетелями удивительного преображения того и другого и тогда начинаем понимать, что кладезь-то, откуда черпает человек, не простой, но артезианский.

На заре советской литературы автора «Соть» и «Барсу-

ков» причисляли к так называемым попутчикам. Не берусь судить насколько мне справедливо, хотя в самом слове-то этом нет ничего порицательного, ежели иметь в виду, что писателю Леониду Леонову всегда было по пути с Советской властью, вот уже полвека отдает он ей все свои душевные ресурсы; все свои удивительные творения он посвятил Октябрьской революции, которую считает актом, величайшим в истории не только России, но всего человечества. Ему до боли сердечной дорога пришедшая с Октябрем и с Лениным новь, потому-то он и бывает суров, ярок и нетерпим в случаях, когда встречается с явлениями, враждебными и противными этой новь. — в частности, Леонов нередко обрушивает всю мощь своего слова, своего авторитета против тех, кто под предлогом борьбы со старым посягает на ценности, созданные предшествующими поколениями, на ценности, которые еще долго будут служить добру и служб новому, нашему социалистическому обществу.

Евгений ОСЕТРОВ:

Порою в глубинах истории невозможно разглядеть имя художника. Но все равно мир, созданный им, живет. Мы не знаем автора «Слова о полку Игореве», но, любясь мозаиками Софии Киевской или таинственными каменными масками владимирских бело-снежных соборов, мы погружаемся в поэтический мир, созданный около восьми столетий назад, вспоминая творца великой воинской песни. Есть мир Пушкина, Толстого и Достоевского, в котором каждый из названных художников парит как вседержитель Вселенной. Есть мир Баратынского и Тютчева, Кольцова и Некрасова, Блока и Ахматовой, Есенина и Заболоцкого... Размышляя о словесном искусстве наших дней, перебирая в памяти книги вместившие в себя опыт громкопящей эпохи, вспоминая произведения, не просто вошедшие в читательский обиход а в народное сердце, я обращаюсь к эпохе «Русский лес» Леонида Леонова.

Написанный в начале пятидесятых годов, роман «Русский лес» воспринимается и ныне с такой завидной остротой, что кажется только-только вышедшим из-под пера. Более того, «Русский лес», открывший эпоху в нашем художественном самосознании, читается сегодня как произведение, могущее многое сказать юному пылкому уму о будущем.

В чем смысл и неуязвимость прелесть «Русского леса»?

Леонид Леонов создал обобщающий образ, символизирующий Россию. К Родине обращается писатель со всеми своими думами и помыслами, ей он посвящает самые вдохновенные страницы своего творчества. Имя России вызывает у художника неизменное чувство благодарной нежности. Недаром писатель постоянно возвращается к мысли о том, что познание самих себя и своего прошлого становится в наш век насущной потребностью все более широких масс: «Сколько нераскопанных кладов таится для них в нашей земле, ее истории и действительности!..»

Существует мнение о том, что творчество Леонова трудны для усвоения. В этом есть свой резон. Леонова нельзя читать между двумя троллейбусными остановками. Леоновские книги заставляют читателя трудиться, продвигаться с автором мыслительную работу. Читатель становится участником творческого процесса.

Книги Леонида Леонова помогают нам серьезнее смотреть на жизнь. В них мы видим, как в зеркале, страну, ее вчерашний и нынешний день, дедов и отцов. Его образы и картины объясняют нам нас самих, пытаются народное самосознание, а последнее, как замечал еще русский историк Ключевский, «трудное и медленное дело, венчающее работу человека или народа над самим собою».

Народ поведал писателю свои думы, деяния, чувства, и писатель, претворив их в чистое золото поэзии, возвратил родной стране сторицей.

Владимир ЧИВИЛИХИН:

Художник и время — сложная, большая тема, ее объемность возрастает, если речь идет о таком сложном, большом писателе, как Леонов.

Полувекowym творческим подвигом Леонов противостоит вульгарной поверхностности, мотыльковой сиюминутности в искусстве.

К творчеству Леонида Леонова невозможно подойти со стандартной мерой. Книги этого писателя требуют напряженной мыслительной работы. Вместе с автором мы проникаем в глубины человеческой психики, анализируем поступки людей методами научного мышления, синтезируем символические и в то же время осязаемо реалистические образы, улавливаем в них проблемы предельной концентрации.

Новые и новые поколения читателей будут так же, как мы, думать над леоновскими страницами, познавая человека в нашем трудном, с каждым часом усложняющемся мире. Книги Леонова, мне кажется, — неоспоримое доказательство того, что изучение жизни естественными и общественными науками недостаточно, не всесторонне, что в наше «электронно-машинное», «скоростное», «космическое» и т. д. время человек, как никогда, нуждается в образном, эстетическом, гуманитарном познании сущего, людей, самого себя.

Жизнь и творчество писателя совпали с великим переделом в истории, в умах и судьбах миллионов его соотечественников, с началом беспрецедентного социального опыта, раскрывшего перед человечеством далекие, убегающие горизонты. Леонов глубоко и очень по-своему отразил диалектику истории, сшибку двух миров, показал «технологичную» формирование душ строителей нового мира.

В свое время Горький говорил о молодом прозаике, что тот следует классической русской литературной традиции. Да, Леонид Леонов — русский, глубоко национальный писатель, и этим определяется многое. Книги Леонова дышат Россией, в них живет наш могучий и свободный язык, в них — склад и толк русского ума, сложность, доброта и энергия чисто русских характеров, привольная и нераскопная наша природа, которая становится щедрой к человеку только тогда, когда человек становится щедрым к ней, в них отражаются не легкие судьбы народные, наша тысячелетняя история. Чувство отдельности от русского народа пропагитывало и цементировало все слова, которые когда-либо были сказаны над написаны Леонидом Леоновым, и, должно быть, это сущая правда, что достичь высот в творчестве, стать подлинно народным художником можно лишь в кровной связи с народом, из которого ты вышел, с папшой, что воздвигает твою нацию.